

ВВЕДЕНИЕ

ПОЭТИКА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

(= "ПОРОЖДАЮЩАЯ ПОЭТИКА" = МОДЕЛЬ "ТЕМА $\overset{\text{ПВ}}{\longleftrightarrow}$ ТЕКСТ"):

К ИСТОРИИ ТЕРМИНА И КОНЦЕПЦИИ

А. К. ЖОЛКОВСКИЙ

В этих вводных заметках к предлагаемому выпуску журнала речь идет о системе взглядов, развиваемой Ю. К. Щегловым и мной в течение двух десятков лет под разными названиями (см. заголовок). Я постараюсь очертить историю этого литературоведческого направления, внутреннюю и внешнюю; кратко аннотировать некоторые важнейшие работы; изложить современное состояние и проблематику исследований; и, наконец, представить читателю три статьи, включенные в настоящий выпуск.

* * *

Возникновение этого направления относится к концу 50-х годов, т.е. совпадает с периодом оттепели в советском обществе, в частности, с возвращением в научный и художественный обиход целых пластов культуры 20-х и 30-х годов. Одновременно в мировой лингвистике это период расцвета структурных и трансформационных методов, получивших неожиданную опору и стимул в лице кибернетической автоматизации перевода и других типов обработки языка.

Первые - "порождающие" - опыты в области поэтики выразительности (отраженные в публикациях 1962a-d, 1967a,b,d, 1970a-c)* были связаны с неприятием характерных черт так называемого традиционного литературоведения - эклектичности, эссеизма, научной нестрогости, и т.п. - и попытками осмыслить связь научного наследия русских формалистов со структурной и киберне-

* См. библиографию в конце настоящего выпуска.

тической лингвистикой - формализованной, но уже далеко не формалистической, а, напротив, нацеленной на моделирование смысла.¹ Эти теоретические поиски привели к идее сочетать концепции русских формалистов (в первую очередь, Шкловского и Проппа) и С.М.Эйзенштейна, оставившего множество поучительных анализов тематико-выразительной структуры произведений в разных жанрах и видах искусства (см. Эйзенштейн 1964-1970, тт.2-4; Нижний 1958). Эмпирически, речь шла о поиске адекватных средств для "портретирования" отдельных литературных текстов и цельных художественных систем.

Кратко резюмирую содержание этой группы работ.

1. Идея Шкловского об остранении, хотя и не вполне удовлетворительна, отнюдь не формалистична: это попытка констатировать инвариантную тематико-выразительную структуру произведения искусства вообще. Содержанием искусства, по Шкловскому, является обновление видения мира, а приемом - остранение и другие средства вывода из автоматизма. Эта идея приемлема - с поправкой, подсаживаемой Эйзенштейном: искусство состоит не только в разрушении наличных связей, но и в целенаправленном создании новых связей, воплощающих тему, т.е. авторский взгляд на мир (1962а, 1967а, d).

2. В развитие идей и разборов Эйзенштейна можно сформулировать более естественное понимание приема - как операции, *повышающей экспрессивность* ("ударность", "выразительность", "беспоощадность внушения" - Эйзенштейн) темы, а также предложить список элементарных приемов *выразительности* (ПВ) (1967d, 1970а).

3. Все это в сочетании с методологией трансформационной и автоматической лингвистики приводит к идее "порождающей поэтики" (1967d, 1970d): "структурным описанием художественного произведения является демонстрация его порождения из известной темы и материала по некоторым постоянным правилам" (1967d:82). При этом группа сходных текстов, например, одного автора, имеет единую функциональную структуру: "Можно ожидать, что функции, формулируемые для отдельного произведения, исходя из его темы (т.е. функции Эйзенштейна...), ввиду идентичности содержания этих произведений окажутся инвариантными для всей группы, т.е. совпадут с функциями в смысле Проппа" (1967d:88).

4. Отдельный мотив, а тем более предмет, образ и т.п., фигурирующий в тексте, понимается как *совмещение* ряда более абстрактных тематико-выразительных функций ("собирается по функциям"); вводится понятие "готового предмета", заранее (в словаре действительности), а потому очень органично, совмещающего данный набор функций (1967b, 1970а; см. также 1978f).

5. Предлагается ряд "порождающих" описаний отдель-

ных текстов в виде *выводов их из темы*, фиксирующих последовательные приближения к тексту, которые получают путем "наращивания выразительности".

(i) "Порождение" киноэпизода "Дессалин", - опыт формализации режиссерских решений, принятых Эйзенштейном и его учениками по ВГИК'у на пути от "декларативной" темы к эффектно разработанной мизансцене (1970a);

(ii) аналогичное, но уже самостоятельное, порождение эпизода "Аукцион" из романа И.Ильфа и Е.Петрова *12 стульев*, с получением возможных альтернативных вариантов сюжета² (1967d:82-87);

(iii) порождающее описание сюжета "Матроны из Эфеса" Петрония (1970b);

(iv) порождение сюжета сомалийского рассказа "Испытание прорицателя" (1970c).

Вывод всех этих сюжетов строится на основе элементарных ПВ (КОНКРЕТИЗАЦИЯ, УВЕЛИЧЕНИЕ, ПОВТОРЕНИЕ, РАЗБИЕНИЕ, ВАРЬИРОВАНИЕ, КОНТРАСТ, СОВМЕЩЕНИЕ, ПОДАЧА, СОГЛАСОВАНИЕ, СОКРАЩЕНИЕ), а также сложного ПВ ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ, обеспечивающего "неожиданную и естественную" (любимое выражение Эйзенштейна) новеллистическую развязку.

6. Появляются аналогичные описания *тематико-выразительных конструкций, инвариантных* для групп текстов одного автора ("Метаморфоз" Овидия [1962c]; новелл о Шерлоке Холмсе [1962b, 1973b]). Эти работы (технически менее разработанные, по сравнению с описаниями-выводами) ценны как первый шаг к представлению поэтического мира автора в виде *инвариантного вывода* его текстов (не говоря об их непосредственной описательной ценности).

Очерченный выше круг идей, орудий описания и конкретных разборов был выдвинут авторами в пору структуралистского бума с наивным убеждением в тривиальной неоспоримости высказываемых истин. Лишь долгий опыт разъяснения, отстаивания, переформулировки и развития первоначальной теоретической схемы привел их к пониманию неединственности этого подхода, значительных несовершенств модели, а главное - ее неприемлемости для большинства коллег.³ Отрицательному отношению к модели, разумеется, способствовал остро полемический тон статьи 1967d, "задиравшей" в своих публицистических разделах представителей как "традиционного" импрессионистического литературоведения, так и "прогрессивного" структурно-семиотического.

Как представляется, неприятие концепции авторов определялось - помимо названных (и иных) прагматических факторов и непосредственных разногласий по существу - также и некоторыми чертами общей культурной атмосферы, характерными для русского гуманитарного соз-

нения. В известной мере, ими же объясняется и ряд особенностей самой поэтики выразительности.

Говоря очень приблизительно, "порождающая поэтика" шла вразрез с традиционной в России нелюбовью к теории, абстракциям, техницизму, логическому принципу $A = A$, и с ориентацией на содержание, душу, цельность живого объекта, принцип развития и т.п. Естественно, что именно с этих позиций на авторов обрушились представители эссеистского литературоведения, обвинившие их в попытках "расторгнуть нерасторжимое", в покушении на "неисчерпаемую душу искусства", в отрыве формы от содержания и т.п. Более интересным, и, на первый взгляд, неожиданным представляется тот факт, что и критика из семиотического лагеря вдохновлялась в общем теми же вкусами. Что в этом мог сказаться упомянутый выше *сущностный, но атеоретический* подход, косвенно подтверждается судьбой научного наследия двух ученых, чьи идеи и открытия послужили источником поэтики выразительности.

Классическая ныне *Морфология сказки* Проппа в течение 30 лет не только не была признана в России, но и оставалась практически неизвестной, не удостоившись даже критической проработки, которой подвергался формализм Шкловского и Эйзенбаума, покусившихся как никак на эстетические категории содержания и формы. Но и тогда, когда, переведенная на английский и другие западные языки, она вернулась в Россию на белом коне и прославила своего автора, *Морфология сказки* не стала отправной точкой для создания аналогичных описаний другого материала (частичным исключением является работа Мелетинского и др. 1969), а также сюжетных грамматик или автоматов, сочиняющих сказки (ср. работы Леви-Стросса; Бремон 1973; Клейн 1974; и мн. др.). В русской поэтике, которая так любит "неуловимую сущность" и боится строгих, "ограничивающих объект" утверждений, Пропп царствует, но не управляет.⁴

Во многом то же относится и к Эйзенштейну: как академическая, так и семиотическая поэтика ограничивается более или менее полным словесным признанием его заслуг в области эстетики, не соглашаясь, однако, увидеть в его трудах прообраз грамматики и словаря художественной выразительности и поставить их разработку в центр исследований по поэтике. По сравнению с "жестким" и "рационалистичным" Эйзенштейном гораздо более естественным объектом для возведения в культ⁵ оказывается Бахтин, идеи которого об амбивалентности, диалогизме, полифонии и т.п., носят более гуманитарно-неопределенный характер, а многими в России вообще воспринимаются не столько как постулаты формализованной поэтики, сколько как своего рода религиозно-этические заповеди

('диалогизм' \approx 'уважай в другом личность'; 'множественность точек зрения' \approx 'истина относительна').⁶

Но вернемся к откликам на порождающую поэтику из "семиотического лагеря". По причинам социального порядка ее критика лишь отчасти была печатной и открытой; в основном же она носила кулуарный характер или высказывалась в печати в виде полускрытых намеков. Разумеется, эта критика, хотя и основанная на непонимании, была более членораздельной (чем причитания "импрессионистов" по поводу холодного скальпеля науки в руках грядущего Хама) и ее учет способствовал уточнению, а иногда и пересмотру некоторых положений модели.

Так, в отповеди В.В.Иванова (1967а) на статью 1967d справедливо указывалось, что аналогия между концепцией авторов и порождающим методом описания в лингвистике неверна. Действительно, порождающие грамматики ставят своей задачей исчисление грамматически правильных предложений и соответственно начинают вывод отдельного предложения с чисто формального символа S. Принцип же вывода художественного текста на основе ПВ нацелен на исчисление текстов, воплощающих данную тему (так сказать, *синтематических* текстов) и соответственно конкретный вывод начинается с заданной темы. Поэтому более естественной лингвистической аналогией здесь будут модели, имитирующие получение всех языковых выражений одного и того же смысла, и, в первую очередь, модель "Смысл \leftrightarrow Текст" (Мельчук и Жолковский 1970, Мельчук 1974), которая и послужила непосредственным научным образцом для концепции авторов (1976а,б, 1978б). Начиная с работы 1971 термин "порождающая поэтика" сознательно изымается из употребления, заменяясь неуклюжим термином модель "Тема \leftarrow ПВ \rightarrow Текст".

Менее обоснованы были некоторые другие критические замечания. Одна группа возражений может быть условно объединена под рубрикой "схематизм, насилующий сложную реальность".

Например, авторам ставилось в вину, что они неверно, грубо и, во всяком случае, чересчур единообразно и стандартизованно изображают процесс создания текста художником, произвольно ставят в начало этого процесса "готовое" абстрактное содержание ("декларативную тему", говоря словами Эйзенштейна), не отводят должного места в творческой истории произведения формальным стимулам и конкретным впечатлениям и т.п. Иванов (\approx 1966) устно: Эйзенштейн описал лишь свой внутренний творческий склад и его приемы и порядок вывода неприменимы к другим художникам. Позднее Иванов (1973:7-8) развил свои возражения следующим образом: "... проблематичной остается возможность разделения разных этапов в процессе синтезирования художественного текста, так как

в нем поверхностная структура (...) может влиять на глубинную (...), например, потому, что при увеличении числа формальных ограничений, как в терцинах, необходимо увеличение числа синонимических выражений, достигаемое за счет переносных и образных словоупотреблений, необычных сочетаний и т.п."

Эти рассуждения очевидным образом основаны на различении понятий *competence* и *performance*, хорошо известных в западной традиции, органически усвоившей Хомского и знакомой с понятием *intentional fallacy*. В ряд последующих работ (1975а, 1976а, б, 1977а, б, 1978а, б) авторы ввели разъяснения относительно того, что "Тема \longleftrightarrow Текст" - функциональная модель *идеальной логики* соответствий между Θ (темой) и T (текстом), а не *реальной истории* создания текста. В функциональной же модели ничто не мешает отразить связи между глубинными и поверхностными уровнями типа упоминаемых Ивановым. Кстати, в работах о поэтике выразительности никогда не делалось утверждения (приписываемого им в Иванов 1973, 1976), будто уровни описания полностью изолированы друг от друга и исключают сложные взаимосвязи.

Не лишено интереса, что ряд параллельно появившихся структурно-семиотических описаний строился, напротив, по принципу моделирования *performance*. Ср. сопоставление порядка творческого процесса у Пастернака и Пушкина в Лотман 1969, и разбор стихотворения Хлебникова в связи с его источником в Иванов 1967б. Стбит также обратить внимание на последовательное использование термина "замысел", явно относящегося к сфере *performance*, для обозначения центрального инварианта художественного текста в ряде теоретических работ (например, в Иванов 1968).

Преимущественный интерес к выявлению реальной истории создания текста проявился также в интенсивном развитии в России того, что можно условно назвать "цитатной школой" (см. работы Левинтона 1971, 1977, Тименчика и др.), вдохновляющейся идеями К.Ф.Тарановского (1967) о роли контекста и подтекста в структуре стихотворения. Эта тенденция очень естественна, если учесть, что *базисом литературной теории*, в особенности русской, является история литературы, а также текстологические и биографические исследования. Жаль, однако, если ожившийся в последние десятилетия интерес к теории опять растворится в собирании и комментировании текстов и фактов. Так или иначе, проблема цитации и интертекста представляет значительный теоретический интерес (ср. Лаферрьер 1977:118сл.) и еще ждет адекватной формулировки в терминах поэтики выразительности. Первую попытку в этом направлении представляют статьи 1976с, 1977б, посвященные соотношениями между структурными и

генетическими связями цитатного типа.

Еще одно возражение - в общем, того же типа, что и предыдущие: описания-выводы носят "полупародийный характер" (Иванов 1967а), они не содержат ничего нового по сравнению с описываемым текстом (Лотман, выступление на Школе по семиотике, Москва, осень 1977, - критика); и, напротив, они интересны, поскольку они динамичны, т.е. содержат нечто новое (он же, устно, ≈1975, - похвала); и т.п. Подобные утверждения игнорируют самую суть принципа моделирования (= "научного пародирования"), которое не претендует на обогащение своего (и так очень сложного) объекта, а лишь на возможно более полное выявление его функциональной схемы (очевидной или скрытой, воспринимаемой сознательно или подсознательно); причем формулируется эта схема *сугубо статичным образом* (вывод лишь для наглядности принимает вид замедленной съемки идеального "процесса порождения"). Подобные уточнения и разъяснения были даны в работах 1972, 1975а, 1976а,б, 1978а,б.

Другая группа возражений касалась *трактовки содержания литературного текста*. Авторам ставилось в упрек, что они: (i) отрывают содержание (тему) от формы (ПВ); (ii) игнорируют содержание, сосредоточиваясь на технике выразительности (Мелетинский и Сегал 1971); (iii) сводят его к жестко заданной, чисто идеологической теме, не учитывая, с одной стороны, многозначное его "мерцание", а с другой - установку на выражение (а не на содержание).

Что касается практики структурно-семиотических исследований, то в ней эти представления проявлялись в уклончиво-диалектической формулировке плана содержания описываемых текстов, и, одновременно, в сильном акценте на анализе "низших" уровней поэтического текста. Литературоведческое сознание готово допустить точность в описании метра, ритма, фабулы и т.п. (явно или скрыто считая их чем-то ценностно несущественным и потому внутренне не возражая против их моделирования) и даже признать перемену в литературной технике единственной сутью творчества писателя (Чудаков 1972, - характерный образец русского неформализма), но принимает в штыки самую мысль, что идейное содержание произведения, - а также его художественное воплощение, - поддается вполне рациональной фиксации.

Учет этой позиции побудил авторов модели

- к более *тщательному формулированию тем* описываемых текстов, в частности, к описанию целых поэтических миров как *систем ценностей*;

- к обобщенному определению понятия *темы* как *инвариантной установки*, реализованной в тексте, с подразделением тем на *темы I рода* (идеологические, житей-

ские = "высказывания о мире") и темы II рода ("чисто языковые или литературные" = "высказывания о языке");

– к теоретическому разграничению множественности альтернативных прочтений текста и амбивалентно-мерцающей многозначности одного прочтения (задачей описания в рамках модели является вывод одного (данного или любого) прочтения из его темы (моно- или амбивалентной));

– к выявлению, наряду с общим случаем применения произвольных ПВ к любым темам, ряда типов особо тесной связи между темами и применяемыми к ним ПВ (наиболее важный из них – КОНКРЕТИЗАЦИЯ темы через прием, к которому эта тема предрасполагает).

Перечисленные положения были развиты в работах 1971, 1975а, в, 1976а-с, 1978в.

Следует сказать, что эта "вторая серия" теоретико-пропагандистских работ имела целью не только учет критики, но и выработку, в рамках модели, ряда новых понятий и орудий описания, что диктовалось возросшим интересом авторов к рассмотрению целых поэтических систем и ряду других дескриптивных задач. Упомяну здесь:

– введение понятий *локального* (т.е. специфического для данного текста) и *инвариантного* (т.е. общего у данного текста с другими текстами того же автора) *компонентов темы*;

– определение ПМ (поэтического мира) автора как *инвариантной части вывода всех его текстов*;

– развитие аналогии между набором обязательных (грамматических) значений конкретного языка и системой инвариантных мотивов автора;

– введение понятий *глубинного решения* (ГР), *глубинной структуры* (ГС) и *поверхностной структуры* (ПС) как основных стадий на пути от темы к тексту.

Впрочем, в работах последнего десятилетия внимание уделялось не только вопросам теории, но и в равной, а может быть и большей мере, описательной практике, призванной испытать и отточить предложенные инструменты описания в ходе детального анализа художественных объектов. Эти работы были, говоря очень кратко, направлены на решение следующих типов исследовательских задач.

1. *Подробный вывод отдельного текста из темы в терминах ПВ, через ГР, ГС и ПС, с учетом всех деталей текста и всех сложных соотношений между Θ и Т:*

– 1972, 1978а: разбор одной максимы Ларошфуко с экскурсами в теорию комических фигур;

– 1978г: описание остроумной сомалийской пословицы в связи с сопоставительным рассмотрением лингвистической модели "Смысл \leftrightarrow Текст" (Жолковский и Мельчук 1970, Мельчук 1974), паремиологической модели Г.Л. Пермякова (1970, 1979) и модели "Тема \leftrightarrow Текст";

– 1979f: разбор одной эпиграммы И.И.Дмитриева и

набросок инвариантной тематико-выразительной структуры жанра эпиграммы;

– 1980а: описание структуры одной остроты Бертрана Рассела.

Образцы подобных выводов давались также в 1976а,в, 1978в.

2. *Характеристика целого поэтического мира* автора или инвариантной структуры некоторой группы его произведений. Таковы исследования, посвященные "Метаморфозам" Овидия (1962с, 1980f), новеллам о Шерлоке Холмсе (1973b), поэзии Пастернака (1974с, 1976с, 1980m), Пушкина (1976d, 1979g,h), Ахматовой (1979а), Цветаевой (1979b,с), Окуджавы (1979е, 1980h), комедиям Мольера (1977d(1), 1979i(1)), детским рассказам Л.Толстого (1978с, 1979k), творчеству Зоценко (1981b). Краткие очерки ПМ Пушкина и Мольера содержатся также в 1976а.

К этому типу работ примыкает жанр *описания отдельного инвариантного мотива*, которое исчерпывающим образом характеризует место и функции этого мотива в рамках ПМ в целом; см. 1978f о мотиве 'окна' в лирике Пастернака и 1980d о мотиве 'превосходительного покоя' в поэзии Пушкина, а также 1980b,1,г.

Еще одна разновидность работ этого типа – описание, так сказать, ПМ отдельного персонажа – представлена статьей 1975с, посвященной *инвариантной тематико-выразительной структуре острот* Остапа Бендера.

3. *Характеристика структуры текста*, учитывающая его пронизанность инвариантами соответствующего ПМ. Вывод в таком случае фиксирует не просто наращивание выразительности, но и *обращение локальной темы рядом инвариантных мотивов* автора. Так описаны:

– ряд стихотворений Пастернака (1974с(3); 1976е; 1977b; 1980m);

– строка о Сизифе, заслушавшемся Орфея, из "Метаморфоз" Овидия (X,44) (1975а,в(1));

– стихотворение Пушкина "Я вас любил..." (1976d(2), 1977с, 1978е);

– стихотворение Виктора Гюго "Sur une barricade" из цикла "L'Année Terrible" (1980е);

– комедия Мольера "Г-н де Пурсоньяк" (1978d(2); 1979i(2));

– стихотворение Мандельштама "Я пью за военные астры..." (1979j);

– "Исповедь" (Estuans intrinsecus...) средневекового латинского автора Архипоэта Кельнского (1980g);

– "Сердце бьется ровно, мерно..." Ахматовой (1980n).

Работа 1980с представляет собой попытку *поставить вывод Т из θ в контексте ПМ на службу сопоставительному описанию разных поэтических систем*: показывается, как одна и та же локальная тема обрастает, в текстах разных авторов (Пастернака и Окуджавы) разными инва-

риантными мотивами, представляющими соответственно два разных ПМ.

4. Систематическое описание приемов выразительности, их разновидностей, комбинаций, соотношений друг с другом и с тематическими элементами, к которым они применяются.

Набор ПМ в целом изложен в 1976а,б, 1977а, 1978а. Отдельным ПВ посвящены:

ВАРЬИРОВАНИЮ - 1967с (на материале текстов Овидия); 1977а;

КОНКРЕТИЗАЦИИ, ПОВТОРЕНИЮ, УВЕЛИЧЕНИЮ, РАЗБИЕНИЮ, ВАРЬИРОВАНИЮ, КОНТРАСТУ - 1973а;

ПОДАЧЕ и ее разновидностям - ПРЕПОДНЕСЕНИЮ, ПРЕДВЕСТИЮ, ОТКАЗУ (включая сложные ПВ ОТКАЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ и ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ) - 1974а;

ПРЕДВЕСТИЮ - 1979d (техника подготовки финальной рифмы); 1980i; ОТКАЗУ - 1980k;

- комическим фигурам (т.е. комбинациям ПВ, КОНКРЕТИЗИРУЮЩИМ тематический элемент 'осмеяние') - разделы в работах 1978а и 1980г.

- специфическим связям между темами и ПВ - разделы в работах 1970с, 1972, 1973а, 1974а, 1976а,б, 1977а, 1980i.

Особую проблему представляет рассмотрение *отдельного ПВ* (или комбинации ПВ) в контексте конкретного поэтического мира. В 1979b выразительная конструкция "Затемнение" (комбинация ряда разновидностей ПОДАЧИ) рассматривается сначала на общелитературном материале, а затем - в рамках жесткой инвариантной структуры детских рассказов Толстого.

5. Инвентаризация "словарных" соответствий между тематическими элементами и выражающими их элементами текста, проводимая эмпирически, путем анализа художественных произведений. См. 1978d, где рассматривается иконическая реализация тем на широком стихотворном и ином материале; целый ряд подобных словарных соответствий выявлен также в 1973а, 1974а-с, 1976а, 1977а,с, d; 1979d и нек. др.

В сущности, речь идет о составлении словаря элементарных КОНКРЕТИЗАЦИЙ (= "словаря действительности" [1970а, 1976а,б], обычно подразумеваемого!), на который опирается грамматика выразительности (= система ПВ).

* * *

Сказанное выше о взаимоотношениях между поэтикой выразительности и окружающей ⁷ ее средой, не должно создать картину полного отчуждения, пропасти и непримиримого конфликта.

Во-первых, самый образ "атеоретического" литературоведения был несколько утрирован ради четкости тезиса. Исследования М.Л.Гаспарова, Г.Л.Пермякова, З.Г.Миц, Б.М.Гаспарова, Ю.М.Лотмана, Ю.И.Левина, Е.И.Мелетинского, И.П.Смирнова, В.Н.Топорова и нек. др., сочетающие "сущностность" с большей или меньшей дозой "теоретичности", способствовали созданию научного климата, без которого экстремизм авторов был бы уже совершенно лишен всякой почвы.

Во-вторых, некоторый конструктивный отклик концепция "Тема ↔ Текст" в СССР все-таки встречала. За поддержку, советы и замечания авторы особенно признательны В.Ю.Розенцвейгу, И.А.Мельчуку, Е.М.Мелетинскому, М.Л.Гаспарову, Е.Г.Эткинду, Г.Л.Пермякову, Л.И.Гинзбург, Е.Б. и Е.В.Пастернакам, Ю.И.Левину, Ю.Л.Фрейдину, И.А.Паперно, Е.С.Новик, а за резкую, но продуктивную критику — С.И.Гиндину, Г.А.Левинтону и М.Ю.Лотману. Предметом гордости для авторов стал факт включения одной из категорий модели "Тема ↔ Текст" (различения тем I и II рода) в музыкально-эстетическую теорию Л.А.Мазеля (см. Мазель 1976, 1978), которая с самого начала являлась одним из источников и образцов их концепции (см. 1967d:82,88).

Ряд работ был переведен на Западе (см. Библиографию); такие издания, как *Poetics* (Amsterdam), *PTL* (Israel), *Russian Literature* (Amsterdam), *Slavica Hierosolymitana* (Israel), *New Literary History* (Charlottesville, Virginia), *Stockholm Studies in Russian Literature*, а в последние годы *Wiener Slawistischer Almanach*, *Neue Russische Literatur* и *Diacritics* (США) предоставили работам по поэтике выразительности свои страницы; появились адекватные изложения и обсуждения модели (Иве 1972, О'Тул 1978) и даже исследования в том же духе (О'Тул 1975a,b; работы С.И.Ельницкой, включенные непосредственно в Библиографию, — 1979b,c; Дрейзин и др. 1978, 1979).

В-третьих, сама концепция "Тема ↔ Текст" отмечена как чертами, противопоставляющими ее русскому литературоведческому контексту и приближающими к западным направлениям, так и характерными особенностями русской поэтики.

"Теоретический экстремизм", имеющий западные, а также лингвистические корни, проявляется прежде всего в установках:

- на различение *performance* и *competence* и выбор последнего в качестве объекта моделирования;
- на эксплицитное отделение "темы" от "выразительности" и четкую формулировку "невыразительной темы";
- на выработку специального метаязыка для описания выразительности в виде системы ПВ;

— на исчерпывающее описание структуры текста в виде вывода его из темы.

Собственно, самый интерес к содержательной характеристике художественных произведений и школ как раз свойственен русской критике (начиная с Белинского и кончая литературоведами социологического направления). Новое состояло в стремлении выявить *глубинные тематические комплексы, помимо воли автора проявляющиеся в его текстах*. Здесь, пожалуй, уместны аналогии с учениями психоанализа, Новой Критики и К. Бёрка (Kenneth Burke). В русской традиции представление о глубинных, часто неосознаваемых инвариантах, пронизывающих *oeuvre* художника, занимало скорее периферийное место — следует назвать имена М. О. Гершензона (1919, 1922), К. И. Чуковского (1922) и Р. О. Якобсона (впрочем, обратившегося к этой проблематике лишь в пражский период, см. в особенности Якобсон 1973).

Имя Гершензона существенно упомянуть и еще в одной связи. Ему принадлежит понятие *медленного чтения* текста, которое подобно французскому *explication de texte* и английскому *close reading* и нацеливает на исчерпывающее научное объяснение (*accounting for*) всех элементов текста. Этот подход, родственник лингвистическому принципу полного описания некоторого корпуса текстов, имел, быть может, неожиданную, но естественную параллель в нескольких разборах, сделанных крупным русским лингвистом Л. В. Щербой (1957). Но, пожалуй, по уровню, детальности и полноте описания ничего близкого, скажем, к классической книге Эмпсона (1965) работа этих исследователей не дала.

Концепция, предложенная авторами, имела целью *соединить описание глубинного тематического уровня с исчерпывающим объяснением, исходя из темы, всех деталей текста*. В качестве идеала мыслится *точное и чуткое портретирование произведения (или группы произведений), основанное, однако, на применении стандартизованного метаязыка*. Работа в этом направлении принесла определенные результаты, но преимущественно, так сказать, *парадигматического характера*: более или менее последовательно и теоретически удовлетворительно фиксируются в основном вертикальные связи между темой и текстом. Описание же *синтагматических связей* на каждом из уровней, да и само определение понятия уровня как "горизонтального этажа вывода", и ряд связанных с этим проблем — остаются в поэтике выразительности открытыми. Процедура вывода, а тем более обратная ей процедура извлечения темы из текста (путем "вычитания" приемов) далеки от формализации. Говоря коротко, модель "Тема ↔ Текст", — подобно многим продуктам русской литературоведческой традиции, — не является грамматикой (в

смысле Хомского), хотя именно к этому "западному" идеалу она в принципе стремится.

* * *

В предлагаемый читателю специальный выпуск журнала включены три статьи.

Первая из них (краткое изложение препринта 1978с) посвящена инвариантной тематико-выразительной структуре нескольких рассказов Льва Толстого. По жанру исследования она занимает положение, промежуточное между обобщенной характеристикой ПМ автора (тип 2, см. стр. 9) и выводом Т из $\Theta_{\text{лок}}$, учитывающим $\Theta_{\text{инв}}$ (тип 3): все рассматриваемые рассказы описываются как единый объект (тип 2), но при этом они соотносятся с $\Theta_{\text{инв}}$ более широкого класса текстов — Толстого вообще, включая "взрослые" произведения (тип 3). Сначала формулируется общая $\Theta_{\text{инв}}^{\text{Толст}}$ и кратко намечаются ее основные реализации ($M_{\text{инв}}^{\text{Толст}}$), в частности, один из характерных архисюжетов Толстого. Затем этот архисюжет (воплощение $\Theta_{\text{инв}}$) СОВМЕЩАЕТСЯ с $\Theta_{\text{лок}}$ (специфической "детской" темой данных рассказов). Далее рассказы описываются на уровнях глубинной структуры (включающей пять блоков — пять актов драмы) и поверхностной структуры (состоящей из 11 более конкретных выразительных конструкций — "технических решений"). Наряду с наиболее важным — событийным — компонентом тематико-выразительной структуры, в составе обоих уровней рассматриваются, правда, более кратко, ее актантный и специальный компоненты.

Вторая статья представляет в чистом виде тот жанр исследования, при котором структура отдельного произведения автора рассматривается в контексте его поэтического мира в целом (тип 3). Опираясь на описание системы инвариантных мотивов Ахматовой (1979а), исследователь демонстрирует ее специфическое преломление в стихотворении "Сердце бьется ровно, мерно...".

В третьей статье разрабатываются теоретические проблемы описания и сопоставления целых поэтических систем. Делается попытка обобщить опыт описания ПМ и ввести соответствующие типологические параметры и категории. Тем самым понятие ПМ впервые предстает не как единая жесткая схема, а как спектр различных значений целого ряда характеристик. В статье также намечаются, в развитие работ 1976с, 1977b, 1980с, способы чисто содержательного сопоставления ПМ разных авторов.

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Важную роль здесь сыграл опыт работы авторов в Лаборатории Машинного перевода МГПИИЯ над автоматическим описанием лексической семантики, а затем над языковой моделью "Смысл \leftrightarrow Текст", в тесном научном контакте с В.В.Ивановым, Ю.С.Мартемьяновым, И.А.Мельчуком и В.Ю.Розенцвейгом (см. Розенцвейг 1974).
2. Понятие *альтернативного варианта* - существенная особенность порождающих и вообще функциональных описаний. Иной, но функционально идентичный вариант 'утраты стульев', предложенный в 1967d на основе порожденной структуры, удостоился устной похвалы В.Шкловского ("похоже вышло").
3. Последним, если и не доказывалась оригинальность модели, то во всяком случае опровергалось представление о ее самоочевидности.
4. В личном разговоре со мной (летом 1966 г.) В.Я.Пропп, может быть, со слегка наигранной скромностью, сказал примерно следующее: "Вообще я жалею, что занимался всем этим. Вот мой сын, он биолог, только что вернулся из Антарктиды. Он опустился на морское дно. Видел морских звезд. Я бы тоже хотел быть естествоиспытателем. Может быть, мне бы посчастливилось сделать какое-нибудь открытие". Передо мной сидел один из немногих людей, действительно совершивших открытие в области филологии. Но культурная традиция, ценящая в гуманитарных науках, с одной стороны, неподдающиеся проверке глубокие идеи, а с другой, - конкретные (биографические, текстологические и т.п.) факты, и лишь в точных науках признающая роль теории, научного закона, отняла у него сознание сделанного открытия.
5. Именно культ, миф, табу (а не беспристрастный анализ) определяют культурный, в частности филологический, климат в стране, где все "за" и "против" идеологизированы на 100%.
6. А надо сказать, что этот "комплекс толерантности" чрезвычайно существенен для умонастроения современной советской интеллигенции, пытающейся, после десятилетий догматизма, вновь обрести начатки либерально-христианского сознания. Но этот комплекс, острой формой которого является парадоксальная "тирания релятивизма", - вопрос особый.
7. Ныне авторы находятся за пределами СССР, а их работы автоматически изымаются из научного обихода.

ЛИТЕРАТУРА

- Бремон
1973 Claude Bremond, *Logique du récit* (Paris).
- Гаспаров, М.Л.
1971 *Античная литературная басня* (Москва).
- Гершензон, М.О.
1919 *Мудрость Пушкина* (Москва).
1922 *Гольфстрем* (Москва).
- Дрейзин и др.
1978 F.Dreizin et al., "Towards a Computerized Generation of Sacred Legends"; FOCUS Project. Technical Report N1 (Haifa).
1979 F.Dreizin et al., "From Theme to Text via Rules of Embellishment: a Grammar of Expressiveness for Moroccan Jewish Sacred Legends"; FOCUS Project. Technical Report N2 (Haifa).
- Иванов, В.В.
1967а "О применении точных методов в литературоведении", *Вопросы литературы* №10, 115-126.
1967б "Структура стихотворения Хлебникова 'Меня проносят на слоновых...'", в: *Труды по знаковым системам* 3 (Тарту), 156-171.
1968 "Поэтика", в: *Краткая Литературная Энциклопедия* (Москва), т.5, 936-943.
1973 "Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики", в: *Труды по знаковым системам* 6 (Тарту), 5-44.
1976 *Очерки по истории семиотики в СССР* (Москва).
- Иве
1972 Jens Ihwe, *Linguistik in der Literaturwissenschaft* (München), 398-415.
- Клейн
1974 Sheldon Klein, *Modeling Propp and Lévi-Strauss* (Ohio).
- Лаферрьер
1977 Daniel Laferrière, *Five Russian Poems: Exercises in a Theory of Poetry* (Englewood, N.J.).
- Левинтон, Г.А.
1971 "К проблеме литературной цитации", в: *Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение, Лингвистика* (Тарту), 52сл.
1977 "На каменных отрогах Пизерии 'Мандельштама'", *Russian Literature* V, 123-170, 201-238.
- Лотман, Ю.М.
1969 "Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста", в: *Труды по знаковым системам* 4 (Тарту), 206-238.

- Мазель, Л.А.
 1976 "О типах творческого замысла", *Советская музыка* 5, 18-32.
 1978 *Вопросы анализа музыки. Опыт сближения теоретического музыкознания и эстетики* (Москва).
- Мелетинский, Е.М. и др.
 1969 "Проблемы структурного описания волшебной сказки", в: *Труды по знаковым системам* 4 (Тарту), 86-135.
- Мелетинский и Сегал
 1971 E.Meletinsky and D.Segal, *Structuralism and Semiotics in the USSR* (Zürich), 73, 88-115.
- Мельчук и Жолковский
 1970 I.A.Mel'čuk and A.K.Žolkovskij, "Towards a Functioning 'Meaning ↔ Text' Model of Language", *Linguistics*, 57, 10-47.
- Мельчук, И.А.
 1974 *Опыт теории лингвистических моделей 'Смысл ↔ Текст'* (Москва).
- Нижний, В.
 1958 *На уроках режиссуры С.Эйзенштейна* (Москва).
- О'Тул
 1975a L.M.O'Toole, "Analytic and Synthetic Approaches to Narrative Structure. Sherlock Holmes and 'The Sussex Vampire'", in: Roger Fowler, ed., *Style and Structure in Literature. Essays in the New Stylistics* (Oxford).
 1975b L.M.O'Toole, "Two Models of Narrative Structure: a Consultation", in: *Semiotics of Language and Culture* (Symposium in Burg Wartenstein).
 1978 L.M.O'Toole, "What Price Rigor? On the Theory and Studies of Shcheglov and Zholkovsky", *PTL* 3, 429-435.
- Пермяков, Г.Л.
 1970 *От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише* (Москва).
 1979 *Пословицы и поговорки народов Востока* (Москва).
- Розенцвейг (ред.)
 1974 V.Ju.Rozencveig (ed.), *Essays in Lexical Semantics* (Stockholm), 2 vls.
- Тарановский, К.Ф.
 1967 "Пчелы и осы в поэзии Мандельштама", в: *To Honor Roman Jakobson III* (The Hague).
- Чудаков, А.П.
 1972 *Поэтика Чехова* (Москва).
- Чуковский, К.
 1922 *Книга об Александре Блоке* (Берлин).
 (1976 reprinting Paris).

- Щерба, П.В.
1957 "Опыты лингвистического толкования стихотворений.
I. 'Воспоминание' Пушкина", в: П.В.Щерба, *Избранные работы по русскому языку* (Москва), 26-44.
- Эйзенштейн, С.М.
1964-1970 *Избранные произведения в шести томах* (Москва).
- Эмпсон
1965 William Empson, *Seven Types of Ambiguity* (Harmonds worth, Middlesex).
- Якобсон
1973 Roman Jakobson, "La statue dans la symbolique de Pouchkine", в: Roman Jakobson, *Questions de poétique* (Paris), 152-189.